

Философия

УДК 1:316(045)

И.В. Журбина

ГРАНИЦЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ПОЛИТИЧЕСКОГО» В СТРУКТУРАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются пределы определения «политического» в структурах экономической реальности, начало которому положено теорией политической экономии К. Маркса. Установлено, что в эпоху глобализации изменения, происходящие в рамках капиталистического способа производства, открывают парадигмальный переход от империалистических основ мира к имперскому устройству мира, где политическая реальность обнаруживает собственные пределы. Выявлено, что в состоянии предела происходит трансформация социальной структуры общества на уровне дифференциации жизни, где политическое утрачивает свою актуальность. Анализируется фигура борца как вымышленного персонажа эпохи глобализации, посредством которого в современной социальной философии осуществляется «поворот» от идеи политической борьбы с капиталом к идеалам жизни, существующей в своей непосредственной данности. Показано, что в состоянии предела «политическое» самоопределяется как «исключенная» реальность. Принцип «исключения» специфицирует реальность политического и открывает возможность построения новой политической онтологии на основе бытия «исключенных» индивидов. Выявляется особенность построения систем политического знания, базирующихся на принципе «исключения», позволяющего представить «политическое» как автономную целостность, самоопределяющуюся в структурах субъект-объектного тождества. В системе субъект-объектного тождества «политическое» понимается как субъективная реальность.

Ключевые слова: экономическое, политическое, пролетариат, элиты, фигура борца, эксклюзия, инклюзия.

В настоящее время необходимость в построении новой политической онтологии на принципиально иных основаниях объясняется исследователями исчерпанностью объективного подхода, заданного марксистской философией. Общий кризис, который переживает современная марксистская философия, трансформирует не только представление о политике как практики государственного управления (А. Бадью), но позволяет выявить новые смыслы политической реальности в эпоху постмарксизма. Современная социальная философия вопросом: «что есть политическое?» – открывает как бы «обратное движение», позволяющее рассмотреть различные способы определения политического в системе философского знания. Исторически сложилось так, что в социальной философии политическая реальность до настоящего времени всегда определялась через иные сферы социального бытия. Самым распространенным и признанным является способ определения политического через экономическую реальность, который представлен концепцией политической экономии К. Маркса.

В марксовской теории политической экономии сущность политического определяется реальностью материального производства. В экономической реальности политическое оказывается дополнительным признаком как результатом общественного разделения труда и появления частной собственности на средства производства, что способствует возникновению классовой дифференциации общества. «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [5. С. 6-7]. В данном случае появление политического в структурах экономической реальности обосновывается посредством закона капиталистического накопления, в соответствии с которым увеличение размеров капитала приводит к увеличению класса наемных рабочих, лишенных средств производства и вынужденных жить продажей своей рабочей силы. В марксизме жизнь, лишенную капитала, представляет пролетариат. «Класс совершенно неимущих, – пишет Ф. Энгельс, – которые вследствие этого вынуждены продавать буржуа свой труд, чтобы взамен получать необходимые для их существования средства к жизни. Этот класс называется классом пролетариев, или пролетариатом» [11. С. 324]. Политическая экономия К. Маркса содержит в себе первичную дифференциацию, в пределах которой фигуры

наемных рабочих (рабочий класс) и капиталистов выступают основными элементами капиталистической системы, через которые и задаются классовый антагонизм и диалектика отношений политического и экономического. Политическое предъясняется в классовой борьбе наемных рабочих, достигающей в эпоху капитализма своей наивысшей точки в борьбе рабочего класса против буржуазии. В данном случае К. Маркс показал, что экономические условия труда вынуждают неимущие классы, или пролетариат, «включаться» в политическую борьбу против существующих производственных отношений. Экономические отношения через борьбу пролетариата расширяются К. Марксом до политических, оказывающих обратное влияние, что выражается в смене типа производственных отношений.

Расширение экономического в сторону политического, вплоть до их полного слияния, демонстрирует эпоха империализма. Эпоха империализма, считает Х. Арндт, открывает новые возможности для капиталистического накопления, в которое включается не только класс капиталистов, но и люмпен-пролетариат, то есть чернь, представляющая собой отброшенные, или выброшенные, системой капиталистического производства «остатки» всех классов. Если Арндт соотносит «чернь» с определенной социальной реальностью эпохи империализма, то в концепции М. Фуко она не является социологической категорией и рассматривается как изнанка власти, как ее предел, ускользающий от власти, и одновременно, используемый властью для изменения стратегий собственного функционирования. «Ослабление черни может осуществляться тремя способами: либо через действительное подчинение, либо посредством ее использования в качестве черни (см. напр. об использовании преступности в XIX столетии), либо же еще и тем, что она сама прикрепляется к какой-то одной стратегии сопротивления» [8. С. 307].

Империалистическая политика, вовлекающая чернь в процесс накопления капитала, разрушает догматы классовой борьбы К. Маркса. Чернь, произведенная непосредственно системой капиталистического производства, а потому неотделимая от нее, включает в себя индивидов, которые в своих действиях следуют основному инстинкту самосохранения – возможности убивать. Уничтожение становится предельно радикальной формой господства, где проявляют себя, с одной стороны, воля к прибыли; с другой стороны, воля к власти, сближающая небольшой класс буржуазии (элиту) и чернь (люмпен-пролетариат). «В стремлении к власти, как и в изначальном силовом потенциале все люди равны, ибо равенство людей зиждется на том факте, что каждый от природы наделен достаточной силой, чтобы убить другого» [2. С. 24]. В эпоху империализма инициатива постепенно переходит к черни как новой политической силе, включенной в империалистическую политику национальных государств. Движение капитала, направленное на захват территорий и населения, изменяет границу между внутренним и внешним миром таким образом, что человечество разделяется. В эпоху империализма политическое отождествляется с политикой национализма, вовлекающей нацию в борьбу за собственное превосходство, радикальным проявлением которой становится расизм.

Потребность капитала в расширении сфер влияния, а значит – захвате новых территорий, достигает своего предела тогда, когда капитал наталкивается на конечность территорий и численность человечества. В современной социальной философии радикальные изменения, происходящие в рамках капиталистического способа производства, обозначили парадигмальный переход от империалистических основ мира к имперскому устройству мира, соответствующему эпохе глобализации (М. Хардт, А. Негри). Такой переход обусловлен господством глобальной экономики, демонстрирующей изменение направления движения капитала, который от внешнего захвата территорий и населения переходит к внутреннему захвату жизненного пространства социального мира. В имперском устройстве мира капитал власти оборачивается властью капитала, который распространяется на все уровни социального бытия, то есть оказывается имманентным принципом организации жизненного пространства.

Процесс капиталистического производства захватывает природный/биологический уровень социальной жизни таким образом, что сама человеческая природа становится основным источником капитала, инициирующим появление более совершенных технологий эксплуатации. «В биополитической сфере жизнь предназначена работать ради производства, а производство ради жизни» [10. С. 44]. В процессе капитализации жизнь сводится к процессу производства производителей капитала. Эксплуатируется не только сила тела, но и мышление/интеллект, а также эмоции и чувства производителей, что коренным образом изменяет характер производительного труда. Если в эпоху империализма основная роль в создании прибавочной стоимости принадлежала работникам массового фабричного производства, использующим силу тела, то в имперском устройстве мира доминирующее положение занимает аматериальный труд, базирующийся на силе интеллекта. «Среди различных участников производства,

действующих сегодня, аматериальная рабочая сила (трудящиеся, вовлеченные в коммуникацию, кооперацию, в производство и воспроизводство аффектов) постепенно занимает центральное положение как в системе капиталистического производства, так и в составе пролетариата» [10. С. 63].

Подчинение жизни логике капитала приводит к тому, что капитал отделяется от труда, тем самым, приобретая свободу передвижения. В свою очередь труд становится сущностью жизни и сводится к экономическому поведению, управляемому уже не инстинктом наживы, а рациональным расчетом. Эффективность жизни индивида начинает измеряться уровнем объема человеческого капитала, то есть врожденными и приобретенными способностями, делающими его жизнь экономически эффективной. Человеческий капитал накапливается на протяжении всей жизни индивида, который становится для самого себя основным источником капитала. Индивид принимает на себя инвестиционные затраты по увеличению объема человеческого капитала. Если врожденные способности выражаются природными возможностями индивида, которые включаются в процесс капиталистического производства, то приобретенный человеческий капитал формируется образовательными инвестициями. Здесь увеличение объема человеческого капитала зависит от тех видов компетенций, которые могут проносить доход. Чем больше по совокупности инвестиций человеческий капитал индивида, тем выше уровень его дохода и тем больше у него возможностей в процессе производства капитала. Выбор индивида предопределен самой природой, или биологией жизни. Общество разделяется по принципу экономической эффективности функционирования человеческого капитала. Трансформация социальной структуры общества, его разделение на бедных и богатых, то есть на элиту и люмпенизированное население, достигает своего предела на уровне дифференциации жизни: «В настоящее время мы видим более глубокую, чем когда-либо, пропасть между незначительным меньшинством, контролирующим огромные богатства, и массами, живущими в нищете на грани полного бессилия» [10. С. 54].

Экономическое поведение элиты разворачивается в рациональный порядок действия, каждое из которых должно повышать уровень дохода, а значит, увеличивать капитал. Воля к жизни проявляет себя в неограниченном желании обогащения, стирающем границу между человеком и машиной и тем самым возвышающем человека над всем «человеческим». Экономическое поведение элиты становится аналогичным существованию рационально устроенного механизма, включающего всё живое в процесс производства капитала. Движение жизни по пути самовозвышения отдаляет человека от всего «человеческого». Результатом жизни элиты оказывается такой уровень избыточного накопления, который превышает все мыслимые возможности собственно человеческой жизни. Верхняя граница биополитического производства характеризуется состоянием «чистого» капитала, лишённого жизни, которая на этом уровне превращается в абстракцию. Однако глобальный экономический порядок, демонстрирующий абсолютную власть капитала, представляется как завершенная и совершенная система только через «исключение» политического. Отсутствие политического становится гарантом того, что не будет никакой социальной революции, способной перераспределить сформированный капиталом устоявшийся порядок. Здесь политическое существует в состоянии полной актуализации, где необходимость в нём оказывается уже-не-существенной. Жизнь, включенная в процесс капиталистического производства, становясь источником производства капитала, делает невозможной политическую борьбу. Политическая борьба с абстрактным капиталом, существующим ради себя самого, превращает её в иллюзию.

В отношении существования элиты нижней границей оказывается жизнь люмпенизированного населения, лишённого воли к жизни, а значит, возможности человеческого существования. Она представлена массой неимущих, олицетворяющих собой мировую нищету, демонстрируя собой нечеловеческие условия жизни. Здесь человек постепенно отдаляется от «человеческой» жизни, на этом уровне она сводится к процессу биологического выживания как «голой жизни», лишённой капитала, смысл которой заключается в процессе производства и воспроизводства самой жизни. В эпоху глобализации пролетаризация приобретает тотальный характер, захватывая всех, кто подчинен капиталу и участвует в его воспроизводстве. В эпоху тотального господства капитала понятие «пролетариат» обозначаются «все» и «никто» конкретно, что формирует представление о пролетарских массах, существующих в глобальном пространстве мира. «По-латыни *proletarii* означает попросту: те, кто воспроизводят себя; те, кто просто живут и воспроизводят себя, не обладая именем и не передавая его; не учитываясь в качестве стороны в субъективном формировании города» [6. С. 104]. Поскольку пролетариатом становятся все, постольку все должны «включиться» в политическую борьбу против капитала. Однако в состоянии полной «включенности» пролетарских масс в борьбу само *политическое* утрачивает смысл. На

уровне жизни пролетарских масс, участвующих в процесс производства капитала, *политическое* является еще-не-актуальным, то есть «исключается» из борьбы. Борьба масс с капиталом, лишенная политического смысла, ограничивается борьбой за жизнь, которая, во-первых, сводится к борьбе за глобальное гражданство рабочих, участвующих в создании капитала; во-вторых, выражается в борьбе за социальную заработную плату и гарантированный доход; в-третьих, в борьбе за право на репроприацию как право обретения заново средства производства (М. Хардт, А. Негри [10. С. 366-374]).

В современной социальной философии невозможность появления *политического* в экономической реальности представляется *фигурой борца* как вымышленного персонажа эпохи глобального капитала и тотальной пролетаризации труда. Борец оказывается «поворотной» фигурой, обращающей человека от идеи политической борьбы с капиталом к идеалам жизни, существующей в своей простоте и невинности. Если в традиции марксизма пролетариат олицетворял собой революционную борьбу с капиталом, то революционный «переворот», совершаемый *борцом*, оказывается обратным действием, возвращающим человека к жизни как таковой, со всеми ее благами и радостями. «Вот та революция, которую не сможет остановить никакая власть, поскольку биовласть и коммунизм, кооперация и революция объединяются – в любви, простоте и невинности» [10. С. 380]. Парадоксальность фигуры *борца* заключается в том, что им завершает ряд собственно политических символизаций субъекта труда, чья борьба возвышала человека над биологической жизнью.

В разное время субъект труда отождествлялся с «коммунистом», олицетворяющим собой осознанную политическую борьбу пролетариата с капиталом, «рабочим» Э. Юнгера [12], демонстрирующим героизм труда и тотальной трудовой мобилизации, способствующей переходу к рабочей демократии; «солдатом революции» А. Бадью [3], который является фигурой массового подъема всех революционеров из народа против общего врага; «*homo faber*» Х. Арндт [1], обозначающим труд как процесс творчества. Эти символические фигуры возвышали человека над самим собой, как трудящимся животным, тем самым, обозначая «разрыв» с биологической/природной жизнью люмпен-пролетариата, черни, «*animal laborans*». Символические репрезентации духа труда, революционной борьбы, творчества, присутствующие в философии, осуществляли метафорический перенос от прозы к пафосу жизни, в которой присутствовали образцы действия, преображающие человеческую природу.

В данном случае борец оказывается фигурой, демонстрирующей невозможность возврата к политическому в традиционных формах революционного движения рабочего класса, а также бессмысленность и бесполезность какой-либо политической борьбы с капиталом. Здесь политическое обнаруживает себя как иллюзорная реальность, порожденная нечеловеческими условиями труда в эпоху капитализма, на основе которой выстраивалась теория К. Маркса. В условиях отсутствия политического, устанавливающего символическую дистанцию между капиталом и жизнью, два противоположных полюса – *капитал*, лишенный жизни, и *жизнь*, лишенная капитала, совмещаются на пределе. Здесь политическое, функционирующее прежде как некое стремление избавить человека от нищеты жизни, которую человек отказывался принимать как свою собственную, завершается призывом не только признать ее и смириться с ее существованием, но и получать от нее радость – «живи и радуйся!» / «просто живи!». Революционную борьбу за *идею жизни* М. Хардт и А. Негри представляют на основе легенды о святом Франциске Ассизском, который победил нищету масс, приняв ее как данность: «он проповедовал счастливую жизнь со всеми радостями природы и естества, со зверушками, сестрицей-луной и братом-солнцем, с полевыми птицами, с несчастными и измученными людьми, объединяющимися против сил власти и разрушения» [10. С. 380].

В состоянии предела рассуждения формируют «странную петлю», показывающую отклонение от первоначального утверждения: коммунистической идеи освобождения человека от власти капитала, которая трансформируется в противоположную идею – уравнивания всех в нищете жизни. Система рассуждений возвращается к своему основанию, где она «выворачивается» наизнанку и становится утверждением противоположного: признанием абсолютной власти капитала, то есть капиталистического насилия над трудом. Иными словами – признанием того, что существование пролетариата делает необходимым и существование не только эксплуататорского класса, но и эксплуатации как таковой, которую просто необходимо принять как данность и жить дальше. Развитие системы до предела обнаруживает противоречие, переворачивающее ее, однако система знания, интерпретируемая через собственное противоречие, утрачивает смысл.

Сама жизнь представляется как процесс некоего интуитивного существования, не требующий понимания, поскольку здесь доминирует социальный инстинкт жизни. Жизнь «как она есть на самом

деле» оказывается непредставимой и невыразимой, то есть трансцендентной процессу мышления, который оказывается лишним элементом такой жизни. Интуитивное понимание того, что высшим идеалом жизни является сама жизнь, организует ее в соответствии с требованием: «Живи, и ни о чем не думай!». Однако отсутствие мышления порождает ощущение страха, способного разрушить саму жизнь. Отказ от объяснительных конструкций, принятие жизни такой, «какая она есть на самом деле», угрожают внутреннему суверенитету человека. Таким образом, определение политического через экономическое осуществляется через расширение границ экономического, вплоть до их полного слияния, а также дальнейшего «исключения» политического из экономической реальности. В пределах экономической реальности установление абсолютной власти капитала и идеи жизни как таковой возможно только через «исключение» политического, которое, начиная с теории К. Маркса, выражалось в борьбе пролетариата. В условиях отсутствия политического единственной формой борьбы становится борьба за идею жизни, «какая она есть на самом деле». Однако в жизни, лишенной капитала, право человека на «человеческую» жизнь может подвергаться сомнению, вплоть до ее полного отрицания.

Исчезновение возможности определять политическое через экономическую реальность открывает способ определения его через самого себя как самореферентную реальность, существующую в состоянии обращенности к самой себе. Замкнутость политического на самом себе выражается в форме тавтологического утверждения: «политическое = политическое», или «политическое есть политическое». Тавтология существования политического сужает/сжимает политическое в точку, где оно с необходимостью начинает свободно мыслиться и разворачиваться в языковых конструктах, определяя собственную субъективность в процессе её самообъективации. Принцип субъект-объектного тождества позволяет конституировать существование политического в его самоосновности, когда политическое бытие понимается как *система* знания, самореференция которой производит политическое как субъективную реальность с имманентным ей законом тождества бытия, мышления и языка (М. Хайдеггер [9]).

Характерная черта самореферентных систем знания – в том, что они разворачиваются в движении от внутреннего к внешнему на основе принципа инклюзии и эксклюзии. Исчерпанность определения *политического* через экономическую реальность приводит к тому, что принцип инклюзии утрачивает свою актуальность. Соответственно принципу «включения» границы политической реальности определялись кругом у(част)ников, который представлялся через членство в политических партиях, организациях, движениях. Здесь принцип «включения» обеспечивал устойчивость границы между тем, что называлось политической реальностью и тем, что таковой не являлось. Участниками являлись все те, кто был вовлечен в политическую борьбу и за власть, и против власти. Сама политическая жизнь рассматривалась как одна их частей социальной жизни. Принцип «включения» формировал представление о политической реальности как сфере коллективного действия партий, политических движений и организаций, выражающих интересы и ожидания общества.

В настоящее время *политическое* самоопределяется как «исключенная» реальность. Принцип «исключения» специфицирует реальность *политического*, то есть задает ее в границах бытия «исключенных» социальных индивидов. Философское мышление начинает действовать посредством радикального вопрошания, обращенного к сущности социального бытия «исключенных», которое до настоящего времени никогда не рассматривалось в политическом аспекте. Появляется возможность построения новой политической онтологии на основе *бытия* «исключенных» индивидов, которое в современном обществе приобретает политический смысл. Негативный смысл, который имело «исключения» в социальной жизни, замещается его позитивной интерпретацией. Если в концепции М. Фуко эксклюзия объединяла маргинальных элементов: бездомных, бродяг, нищих, сексуальных извращенцев [7], – то в настоящее время отношение инклюзия/эксклюзия переворачиваются таким образом, что «исключение» становится нормой общества, стремящегося к полной инклюзивности.

«Исключение» определяется степенью включенности социального индивида в тот или иной порядок общества. Каждый социальный индивид, «включенный» в социальный порядок, одновременно может существовать и как его «исключенный» элемент. Современное общество, выстраивающееся на основе логики инклюзии, имеющей тотальный характер, производит эксклюзивный элемент. В правовой реальности тотальность прав человека приводит к появлению эксклюзии, которая соотносится с бесправной жизнью индивидов, приобретающих статус «*homo sacer*» (Дж. Агамбен). В экономической реальности эксклюзия формируется тотальностью капитала, в соответствии с которой глобальное распространение капитала и процесс капитализации жизни инициирует локальную нищету жизни масс. Здесь «бедняк» становится общим и/или родовым именем, посредством которого обозначается

жизнь (*zoe*) тех, кто просто живет и воспроизводит себя. Если имя «пролетарий» связывалось с фабричным производством и трудом, то «бедняк» становится именем предельным, обозначающим недифференцированную массу неимущих (З. Бауман). Современный процесс демократического представительства формирует эксклюзивную социальную структуру в форме бытия индивидов «лишенных речи» (Ж. Рансьер), которые существуют в состоянии «невыговариваемого» (А. Бросса [4]). Можно считать, что в современном обществе состояние «исключения» возникает самыми разными способами: через процесс представительства; «исключение» содержится в стратегиях власти, которая, принимая «заботу» о жизни общества на себя, «исключает» социальных индивидов из процесса принятия решений, затрагивающих важные вопросы жизнедеятельности этого самого общества; «исключение» возникает на уровне материального достатка, прав человека и др.

Принцип «исключения» представляется фигурами, которые являются не индивидуализированными персонами, а определенными социальными группами, демонстрирующими его присутствие в структурах социального бытия. «Исключенные» же социальные индивиды как внешняя сторона представляют собой «остаток», который в настоящее время становится основанием политической реальности. «Исключение» не обладает дифференциальным качеством, определяющим его место в социальной структуре, то есть оказывается неделимым «остатком», или целым, возникающим на пределе инклюзии. В связи с тем, что принцип «исключения» изначально неопределенный, политическое может определиться в любом месте социального пространства. Множество возможностей самоопределения *политического* показывает условность любого конкретно выбранного критерия его определения.

Таким образом, в социальной философии неопределенное *политическое* традиционно определялось через иные сферы социального бытия, среди которых доминирующее положение занимает экономическая реальность. В марксистской философии доведенные до предела отношения *экономического* и *политического*, не позволяют совершить обратную операцию, то есть представить *экономическое* как *политическое*. В состоянии предела демонстрируются бесполезность и бессмысленность какой-либо политической борьбы с тотальной властью капитала, в чем проявляется дальнейшая непереводаемость *политического* на язык экономического бытия. В поле экономических отношений *политическое* существует в «исключенном» состоянии. Исчерпанность возможностей определять *политическое* через иную сферу социального бытия превращает *политическое* в реальность, которая самоопределяется и самопредставляется, только исходя из самой себя как автономной целостности. Принцип автономизации проявляется как состояние самозакония. В условиях автономизации точка различения предметной области политического оказывается точкой мышления, представляющего то, что «исключено» из системы политического знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арентс Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Арентс Х. Об империализме // Арентс Х. Скрытая традиция. Эссе. М.: Текст, 2008. С. 13-38.
3. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 112 с.
4. Бросса А. Невыговариваемое // Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 глазами французских интеллектуалов. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2003. С. 58-84.
5. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 39 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 13. С. 1-167.
6. Рансьер, Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.
7. Фуко М. Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 432 с.
8. Фуко М. Власть и стратегии // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избр. политич. статьи, выступления и интервью. Часть 1. М.: Праксис, 2002. С. 301-317.
9. Хайдеггер М. Закон тождества // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сб. М.: Высшая школа, 1991. С. 69-79.
10. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
11. Энгельс, Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 39 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 322-329.
12. Юнгер Э. Рабочий. Господство гештальт // Юнгер Э. Рабочий. Господство гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 55-440.

Журбина Ирина Викторовна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: soloveyiv1@mail.ru

I.V. Zhurbina

BOUNDARIES OF THE DEFINITION OF “POLITICAL” IN THE ECONOMIC REALITY STRUCTURES

The article concerns the limits of the definition of “political” in the economic reality structures initiated by Marxist theory of political economy. The author points out that in globalization era the changes occurring within the capitalist mode of production open up a paradigm shift from the imperialist world foundations to the imperial conformation of the world, where political reality reveals its limits. It is also shown that in the state of the limit, the society social structure transforms at the level of differentiation of life, where the political loses its relevance. In addition a figure of fighter as a fictional character of the globalization epoch is analyzed as a means of triggering a “turn” in modern social philosophy from the idea of political struggle against the capital to the ideals of life existing in its immediate reality. It is suggested that in the state of the limit, “political” is defined as an “excluded” reality. The principle of “exclusion” specifies the reality of the political and opens the possibility of building a new political ontology based on the existence of “excluded” individuals. The peculiarity of the construction of political knowledge systems based on the principle of “exclusion” is revealed, which makes it possible to represent “political” as an autonomous entity self-determined in the structures of the subject-object identity. In the system of subject-object identity, “political” is understood as a subjective reality.

Keywords: economic, political, proletariat, elite, figure of fighter, exclusion, inclusion.

Received 18.06.2018

Zhurbina I.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: soloveyiv1@mail.ru